Я вслушивался в повествования о спаленном Тохтамышем, а затем Едигеем Звенигороде, о том, как Иоанн Грозный подарил звенящий город царевичу Муртазе-Али, о разорении «царской богомольни» отрядами Тушинского вора, о колокольном звоне, доносившемся до Первопрестольной, и, когда запас терпения школьника был исчерпан, я вошел в комнату к засидевшимся мужчинам. Двоюродный брат мамы дядя Толя спросил:

– Что, Сашок, не спится?

Мой смуглый и приземистый родственник с ходу разогрел шашлык на сковороде, налил горячий чай с лимоном и придвинул кусок торта «Птичье молоко» в коробке и три яблока, а светловолосый сосед дядя Миша усмехнулся и, поочередно указывая на каждое яблоко, поведал:

– Желтое с кислинкой – это китайка, а красно-зеленое и кисло-сладкое – это жигулевское, а вот пряное, румяное, золотистое – это осенняя радость.

У нашего благодушного соседа раскинулся громадный яблоневый сад, где росло неимоверное количество яблок всех сортов, а на Яблочный Спас гостеприимный дядя Миша одаривал всех соседей и случайных гостей яблоками, раздавал он райские плоды ведрами.

Фиалковое облако окутывало комнату, мужчины сидели за столом, а круглолицый и словоохотливый дядя Миша, бойко жестикулируя, уже не останавливался:

– Война застала нас под Ельней, мы гостили у родственников мамы. Я ведь только после армии в Подмосковье обосновался, до войны мы жили в Иркутске на берегу Ангары. Никогда не забуду, как мы отступали вместе с частями Красной армии. На километры растянулись колонны солдат и беженцев. Пылища, жара, запах пота, кирзы, лошадиного помета и дегтя сопровождали людской поток. Пыльная горечь осела в горле. Гимнастерки у мрачных солдат вымокли, каски болтались на ремнях и на вещевых мешках. Проезжавший мимо пожилой артиллерист усадил маму, сестренку и меня на телегу с амуницией и пытался нас раззадорить историями из жизни московского ломового извозчика. Веселили эти легенды только его, и он начал

рассказывать о празднике первых плодов: август как раз подходил к концу. Я тогда впервые услышал о праздновании Преображения Спаса нашего Иисуса Христа. Усатый старик рассказывал, что под зрелой яблочной сенью к людям возвращаются покой и здоровье и происходит духовное преображение человека, а когда протянул мне и сестренке спелые яблоки, подмигнул:

– Вот съешь первое яблочко, и что надумано – сбудется, и что сбудется – не минуется.

Над нами закружила «рама», так в войну называли разведывательный самолет «Фокке-вульф»[1], а спустя минуты три пожаловали «Хейнкели»[1] [2]. Нашу колонну разбомбили. Все вокруг заволакивал едкий дым, исходящий из воронок, переполненных кровавой и грязной жижей, в которой навсегда исчезли моя мама и сестренка. Меня, оглушенного, с осколочным ранением, подобрала и выходила бабушка из соседней деревни. Так я очутился на оккупированной территории. Старушка укрывала меня от немцев, опасаясь, что, как и всю молодежь деревни, меня угонят в Германию или отправят в концлагерь. Поодаль от моего укрытия был разваленный храм, куда фашисты согнали так много народа, что всю ночь перед отправкой в Неметчину люди простояли, а обессиленных и разговорчивых расстреливали на погосте. Морозную и голодную зиму я просидел в подполе, там меня, вшивого и сонного, искусали крысы. Так что как трясет, сжимает виски, как ломит кости, я знаю не понаслышке. Тиф уничтожал меня, старушка, посчитав, что я умер, позвала деревенского батюшку. Отец Зосима пришел меня отпевать, а я перед панихидой издал какой-то звериный вопль. Черноризец[3] унес меня к себе и вылечил, читая днем и ночью молитвы под сводом разрушенного храма Преображения Господня. Только к августу сорок второго, как раз на Яблочный Спас, я выздоровел. В сорок третьем Ельню и прилегающие деревни освободили; в сорок четвертом по приказу от двадцать пятого октября меня призвали в армию. Последний призыв! Как я ждал этого призыва! Я же по отцу потомственный казак, даже родился неподалеку от приграничной Цурухайской крепости. В лютом ожидании я десятки раз перечитывал статью Ильи Эренбурга «Убей!» Я выучил ее наизусть! Я ждал своего часа! Перед сном, вспоминая своих, я повторял как молитву: *«Убей немца*![4] *– это просит старуха-мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей*!»

Перед уходом на фронт я зашел к своей спасительнице. Она все плакала, жаловалась: уходя, немцы забрали у нее двух жеребцов, которых она спасла в сорок первом во время отступления

[1] "Фокке-вульф" (нем. *Focke-Wulf FW-190 "Wtirger")* – немецкий истребитель, состоявший на вооружении люфтваффе во время Второй мировой войны.

[2] "Heinkel" – немецкий бомбардировщик, один из основных бомбардировщиков люфтваффе во Второй мировой войне.

[3] Черноризец – чернец, монах.

[4] "Убей немца!" – советский пропагандистский лозунг периода Великой Отечественной войны, стихийно появившийся в июле 1942 года и поддержанный советской пропагандой для активизации ненависти к оккупантам. В основу лозунга была положена публицистическая статья Ильи Эренбурга "Убей!" от 24 июля 1942 года.

Красной армии в поле под бомбежкой. Немцы взамен оставили старушке хлипкую кобылицу, она выходила больную лошадь, а теперь драгоценную клячу реквизировали советские воины.

– Как жить? Как жить, родненький? – вопрошала старая плакида.

Когда я покидал монашеское жилище, радетельный монах глянул на меня и едва слышно напутствовал:

– Вспоминай о геенне и ненавидь дела, влекущие в нее.

На фронт я попал в начале сорок пятого, воевал и служил в Германии. Навсегда запомнил дождливую ночь на Первые осенины перед самой демобилизацией. В казарме мы засиделись надолго, выпивали, а потом вспомнили о празднике, на который положено освящать яблоки. Служил с нами сержант родом из Задонска, воевал с шестнадцати лет, он быстро собрался, пообещал мигом вернуться и рванул за территорию части, бросив напоследок: «На второй Спас и нищий яблочко съест».

Недалеко от наших казарм был родовитый яблоневый сад, он необычайно расцвел в то лето, вот за поспевшими яблоками сержант и махнул. Мы заговорились, а потом, глядя на часы, спохватились, что сержанта нет уже около часа, ринулись в сад. В общем, там мы его и нашли. В середине сада он был повешен на самом большом дереве, а руки его веревками были привязаны к рядом стоящим яблоням. Получилось веревочное распятие. Под яблочным шатром сержанту распороли живот, а когда мы снимали его с дерева, из раны вываливались окровавленные яблоки. С нами служил шустрый паренек из кубанских казаков, так вот он первым добежал до наших танков, потом подоспели и мы. В ту карамазую ночь в пригороде небольшого немецкого города не осталось ни одного дома, ни одного живого человека, мы до утра утюжили аккуратные домики и гостеприимных жителей. Обрушился мощный ливень, и весь поселок под тяжестью танков постепенно утопал в слякоти. Управляя боевой машиной, я вспоминал, как скобами к воротам солдаты армии фон Клюге прибивали изнасилованных женщин в сорок первом, а я прятался в подполе и дрожал от страха и холода в окружении гнилых яблок и прыгучих крыс. Пластун[5] не забыл, как после освобождения родной станицы рыдали казаки, обнаружившие поседевших жен, которые в безумии смотрели на утопленных в колодцах младенцев. Мы хотели только одного: мы хотели, чтобы Германия исчезла с лица земли! Чтобы никогда пережитого нами никто больше не смог прочувствовать. Да и всех этих Померанцев[6] и вообще всех обвинителей в одну яму бы с немчурой прикапывал, нелюди они для меня, так, посконь[7] жженая.

Раздухарившийся сибиряк замолчал. Я сидел рядом и сжимал рукоятку охладевшей чугунной сковороды, смотрел на остывшее

---

[5] Пластун (от *пласт, пластоваться* – ползти, ползать) – пеший казак в кубанском (ранее черноморском) войске из особой команды, несшей сторожевую и разведывательную службу на Кубани (ист.).

[6] Померанц Григорий Соломонович – российский философ, культуролог, писатель, эссеист, член Академии гуманитарных исследований. Участник Великой Отечественной войны.

[7] Посконь – мужская бесплодная особь конопли с тонким стеблем, из которой вырабатывается тонкое волокно.

мясо, холодный чай, нетронутый торт и яблоки.

Дядя Толя стоял у окна вполоборота, покосившись, спросил:

– Всех? Женщин? Стариков? Детей?

– Всех, до единого, – ответил взмокший сибиряк.

– Судили или замяли?

– А ты знаешь, дела никакого и не было. Нашу часть мгновенно передислоцировали, а меня и всех наших ребят демобилизовали. Вообще до этого случая в яблочную ночь было установлено правило, которое строго выполнялось. В случае половой связи с немками солдат или офицер был обязан мгновенно поставить в курс об эпизоде начальство, и его отправляли на Родину. Если обращалась немецкая женщина, которая указывала на случай насилия, то перед ней выстраивали весь личный состав части, а она должна была опознать подозреваемого. В этом случае назначалось расследование. Этот приказ осуществлялся неукоснительно после нескольких происшествий. Ведь проблема имела оборотную сторону: на тот период в большинстве случаев никакого насилия не было. Расчетливые немецкие женщины умело мстили Красной армии за погибших мужей, братьев и сыновей. А трибунал в послевоенные годы был суров!

Молчание длилось минуты три-четыре, как вдруг наш розоволицый сосед неспешно, почти шепотом вымолвил:

– Прощать как научиться? Без этой науки Спаситель может не принять, вот что устрашает.

Я ощутил тягучий взгляд родственника, в котором, казалось, отразилось все: самоубийство деда во время ареста лубянскими опричниками, смерть отца, отсидевшего по пятьдесят восьмой на Соловках и выпущенного по актировке, хоккейное и краслаговское прошлое самого дяди Толи. Он как-то настороженно спросил:

– А не засиделся ли ты, Сашок?

Я молчал. Он не отводил взгляда, я встал, а на пороге комнаты случайно задел большую плетеную корзину, из нее вывалились и раскатились по всей комнате яблоки. Я смотрел на багровые, янтарные плоды, и мне померещились людские головы, наши танки – и веревочное распятие.

Дождь усиливался, ветки яблонь бились о стекла, было слышно, как на землю падали наливные плоды, а из комнаты все еще доносились разговоры о «звенигородской баталии» и явлении преподобного Саввы принцу Богарне во время французской кампании, о «звенигородском мятеже» времен военного коммунизма, о «второй трудовой коммуне ОГПУ».